

ЮРИЙ ПИОНЕРОВ

ЛЕВ СТАРОВ

ГРАЧ

НАЗАД В 90-е

ТОМ 8

Юрий Пионеров
Грач. Назад в 90е Том 8

«Автор»

«Автор»

2026

Пионеров Ю.

Грач. Назад в 90е Том 8 / Ю. Пионеров — «Автор», «Автор»,
2026

В день своего пятидесятилетия Данила Грачёв отдал за кекс последнюю мелочь: его торговую империю забрали люди, которым он доверял. А утром он проснулся двадцатилетним. На кухне мать печёт пирожки, отец бережёт девять тысяч на «Жигули», за окном — ноябрь 1991-го. Через пятьдесят два дня эти деньги почти ничего не будут стоить. Данила знает, что случится с ценами. Но знание не купишь в магазине и не предъявишь вместо денег. Есть дембельские триста рублей, голодный друг Бугай с плечами грузчика и сестрёнка, которая требует расписку даже за четырнадцать рублей. Есть ещё отец: он лучше доверит сыну сварочный аппарат, чем семейные сбережения. За несколько недель Даниле нужно превратить эту горсть рублей в дело, которому поверит отец. И сделать это на рынке, где каждый удачный товар замечают быстрее, чем успеваешь пересчитать выручку. Успеет ли Грач занять своё место — прежде чем его займут другие?

© Пионеров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Грач. Назад в 90е Том 8

Глава 1

Все посмотрели на него.

— Что значит «не возьму»? — Переспросил, положив деньги на фанеру между нами.

— Не заработал, — Гвоздév уткнулся в воротник и потянул его к подбородку. — Я... я был в отлучке. Две недели. Мой брат из Москвы... там проблемы. Я не возил грузы. Я просто ждал.

С чего это его прорвало именно перед всеми? Вчера мог подойти к Люське и сказать про пропущенные рейсы. Прижал уголок белой бумаги на фанере. Отказаться от денег проще, чем объяснить, куда делся груз.

— Люська, — подозвал её и освободил фанеру от конвертов. — Открой третью тетрадь. Ту, где сводишь рейсы с зарплатой. Возьми к ней накладные из второй.

Люська разжала резинку на третьей тетради и нашла в пачке нужную накладную.

— По рейсу сорок два от пятнадцатого ноября отправлена мука, двадцать тонн. Вес при загрузке: двадцать тонн ноль килограммов. Вес при выгрузке: девятнадцать тонн пятьсот килограммов. Расхождение: пятьсот килограммов. Подпись шофёра: Гвоздév. — Люська разгладила лист и подвинула к нему запись в тетради.

У двери загудели. Пятьсот килограммов муки все представляли: столько мешков на одном плече за раз не унесёшь. Я дождался, пока Гвоздév поднимет глаза от пола.

— Давай следующий рейс, — я передвинул прочитанную накладную ближе к Гвоздёву и потянулся за другой.

— По рейсу сорок три от семнадцатого ноября отправлен сахар, десять тонн. Вес при загрузке: десять тонн. При выгрузке: девять тонн семьсот. Расхождение: триста килограммов сахара. — Она вынула из второй тетради накладную сорок третьего рейса и провела ногтем от загрузки к выгрузке.

— Ну, довольно пока, — остановил чтение и повернулся к Гвоздёву. Тот побледнел.

— Ты утверждаешь, что не работал две недели? — Придвинул обе накладные к краю и прижал пальцем его подпись.

— Я... я был занят, — Гвоздév шагнул к столу и зацепился пальцами за расстёгнутую молнию куртки.

— Значит, эти расхождения — случайность? Ошибки весов? — Поднял со стола лист с недостатчей сахара и положил поверх накладной на муку.

Он открыл рот, но так и остался стоять с незастёгнутой курткой. В тепляке было жарко, а у него под носом выступили капли.

— Люська, заберёшь его накладные за последние два месяца. Полностью. Под лупу. Сравни с данными весовой станции на каждом посту. Если найдёшь хоть одну цифру, которая не сходится с твоими тетрадями, — доложишь лично мне. Сразу по моём возвращении из Ярославля. — Собрал прочитанные листы и вернул их Люське, оставив его премию у себя.

Гвоздév оттопырил воротник. Белый уголок премии торчал возле моей ладони, а водитель всё смотрел на накладную. Считать предстояло совсем другие суммы.

— А теперь хватит болтать о деньгах, — закончил со сверкой и позвал Палыча к верстаку. — Палыч, доклад по топливу.

Палыч вышел из-за спин с раскрытым блокнотом. Мне пришлось подвинуться, чтобы он добрался до верстака.

— Солярки на складе осталось четыреста литров, — он нашёл в блокноте последнюю выдачу и повернул запись к нам. — Расход по базе на прогрев машин и генераторы — около

пятидесяти литров в сутки. Если погода будет спокойной и работы мало, хватит на неделю. Но зима входит в силу. Крещенские морозы будут в январе. Тогда расход вырастет минимум вдвое. Печки работают круглосуточно, двигатели прогреваются дольше.

— На сколько нам этого хватит? — Придвинулся к блокноту и указал на остаток.

— При нынешнем расходе восемь суток. Если расход удвоится — четыре. Потом машины ставить придётся. — Палыч разделил в блокноте четыреста на пятьдесят и обвёл восьмёрку.

На всю базу оставалось четыреста литров. Прикинул, сколько съедят прогревы, пока соберём колонну. Лицензия №001 лежала в сейфе целая, а фуры от одной бумаги всё равно не поедут.

— В Ярославль поедem, — подошёл к доске объявлений и нашёл приглашение с завода.

Щербаков отвлёкся от ведомости. Мазай придержал куртку на груди, ожидая, зачем я назвал Ярославль.

— Директор НПЗ Свербеев выходил на связь ещё до Москвы, — снял с телеграммы магнит и прочёл её вслух. — Телеграмма лежала на столе, когда я уходил. «Сахар есть интерес. Приезжайте лично».

На сгибе телеграмма уже протёрлась. Я перечитал приглашение: за сахар Свербеев готов был разговаривать, а на месте попробует выторговать своё.

— Он торгуется. Он знает, что нам нужна солярка. Но он ещё не знает, сколько мы можем дать по каналам Кулагиной, целыми эшелонами. — Расправил телеграмму на верстаке и придал угол списком премий.

Щербаков склонился к приглашению возле меня.

— Сахар против солярки, классика. Но они хотят живые деньги, Грач. Бартером они берут неохотно. Говорят, сахар сам по себе не греет, — Щербаков перечитал бланк и ногтем разгладил стёртый сгиб.

— Греет, если правильно подать, — отпустил угол приглашения и вытащил из-под списка сведения об отгрузках. — Они хотят гарантированного сбыта к новогоднему столу области. У них зависают запасы, потому что торговля в деревнях умирает. Мы предложим им наш рынок. Десятки школ, госпиталей, предприятий, которые покупают у нас.

— Когда едем? — Мазай застегнул куртку и придвинулся к верстаку.

— Завтра утром. На «Волге» с прицепом, возьмём образцы сахара. За рулём Мазай, порт на день примет его сменщик. Остальные остаются здесь. Щербаков за старшего. Палыч, следи за техникой. Шмель... следи за тылом. Чтобы никаких сюрпризов. — Отправил телеграмму под клапан и отделил для поездки сахарные накладные.

Шмель кивнул, прижав локти к бокам. Водители договаривались, кто кого подменит, а у него оставались охранники и ночной обход. Премию он спрятал и держался в стороне от остальных.

Бригада расходилась, споря о бане и выходных. Гвоздév первым протиснулся за дверь, прижимая к себе куртку. Люська задержалась у фанеры: вкладывала сверенные листы под резинку, пока я натягивал верхнюю одежду.

— Данила, — она придержала меня за рукав и отложила тетрадь. — Я видела, как он смотрел на тебя. Гвоздév-то боится.

— Пусть боится, — ответил, досылая руку в рукав. — Страх делает людей осторожными. А осторожные не воруют. Если он чист, он останется работать. Если нет, мы найдем, где он прятал остатки.

— А Шмель? — Люська расправила второй рукав и стряхнула с него налипший снег.

Я обернулся к двери. Шмель ушёл раньше остальных; в проходе покачивалась занавеска, которой отгораживали печку.

— Шмель получит своё, если будет работать. Но он запомнил эту сцену. И он запомнил, кто его унижил, — высвободил рукав и просунул руку до манжеты.

— Ты не унижал. Ты поставил на место, — она возразила, подавая мне шапку с фанеры.

— Для таких, как он, разница между «поставить на место» и «унизить» равна нулю. Главное, что он получил свои полторы тысячи. Деньги успокаивают лучше, чем слова. — Застегнулся и вернул оставшиеся документы под клапан.

Я перед выходом забрал свою ношу с верстака. Мороз защищал лицо, вдали залаяли собаки. В пакете лежали журнал регистраций и заявка с подписью Пастухова; ключи от машины я переложил отдельно в карман и наконец освободил вторую руку.

С меня хватило споров на сегодня. Хотелось посидеть рядом с ней, выпить горячего, а не пересчитывать чужие недостатки.

До лаборатории было минут десять пешком по скользкой тропинке мимо ангаров. Светилось одно окно; я пошёл на него, нащупывая ногой утопанные следы. Внутри щекотало нос чистящим раствором, зато можно было расстегнуть ворот.

Римма склонилась над микроскопом. Белую накидку она завязала узлом на талии, волосы убрала в пучок; выбившаяся прядь щекотала щёку. На скрип двери она махнула рукой в сторону стула. Поставил туда свою ношу и подождал, пока она закончит смотреть пробу.

— Опять ты? — Римма отодвинулась от окуляра и заправила выбившуюся прядь за ухо. — Думала, ты до утра будешь считать премии.

— А мы уже посчитали. Теперь хочу пить чай, — отозвался, отогревая у чайника окончевшие пальцы.

Я снял крышку с заварки и подставил кружки к булькавшему в углу чайнику.

— Завари, я тут кое-что нашла, — Римма отодвинула микроскоп от края и освободила место под кружки.

Пока я насыпал заварку, Римма подошла к стеллажу за колбой с белым порошком.

— Это мука из эшелона, что прибыл вчера ночью для третьего района. Я провела пробу. — Она повернула колбу этикеткой ко мне и подвинула журнал приёмки.

— Ну и что в пробе? — попросил результат, вытирая с кружки каплю заварки.

— По пробе влажность в норме, посторонних примесей не обнаружила. А по журналу приёмки забракованных мешков на пятнадцать процентов меньше, чем в предыдущей партии. — Римма нашла в журнале предыдущую партию и приложила к записи лист свежей пробы.

Пока она сравнивала записи, чайник вскипел. Снял его с подставки и поднёс к столу.

— Ты хочешь сказать, что мы становимся лучше? — Поставил обе кружки возле журнала и наклонился к её расчётам.

— Я хочу сказать, что система работает, — Римма приняла у меня чайник и налила воду в кружки. — Когда ты берёшь под контроль весь цикл, от закупки зерна до доставки на склад, качество начинает расти само собой. Но проверять каждую партию всё равно придётся. Пропусти одну, и снова получим серый липкий хлеб. Теперь я могу показать поставщику журнал и потребовать тот помол, который он нам уже привозил.

— №001 тянет за собой сорт, — обхватил кружку и погрел ладонью стекло.

— Именно. Конкуренты могут продавать дешевле, но такой муки каждый раз не обещают, — Римма прикрыла пробу листом бумаги и отнесла колбу обратно на стеллаж. — Директора школ звонят потому, что знают: у тебя хлеб будет белым и пушистым, а у них может опять получиться серым и липким.

Крепкий чай обжёг губу. Отодвинул кружку и устроился на стуле свободнее: здесь Римма могла отругать меня разве что за капли на журнале. Очень хотелось именно за это.

В Москве я выцарапал возможность торговаться. Здесь у меня были горячий чай и Римма, которая проверяла мешки, пока я спорил с Пастуховым. Подал ей сахарницу. Документы пришлось убрать со стола: вот ещё, обольём заваркой после всех проверок.

— Гвоздѣв, — вернул кружку на стол и повернулся к портфелю. — Люська будет проверять сопроводительные за его рейсы. Если найдёт следы московской конторы, связанной с братом...

— Тогда это не жулик-середняк, — Римма провела ложкой по дну кружки и прислушалась к звону. — Это канал.

— Верно, может вывести нас на Пастухова в Москве. — Потянул портфель со стула к себе и остановился, уперев его в колено.

— Ты думаешь, он передавал информацию? — Она подошла со своей стороны и помогла снять портфель с колена.

— С мукой он мог провозить документы. Или образцы продукции наших конкурентов. Надо проверять, что у брата за контора. — Расстегнул клапан портфеля и проверил, на месте ли московская папка.

Ложечка стукнула о кружку. Римма вынула её и положила на бумагу.

— Что ты собираешься делать? — Римма отставила кружку и освободила для папки сухой угол.

— Сначала съезжу в Ярославль. Закрою сделку с соляркой. Без топлива мы не сможем контролировать даже текущие потоки. А потом... потом посмотрим, что нашла Люська, — застегнул клапан и опустил портфель к ножке стула.

За окном темнели ангары. На базе дожидались выезда десять фур, впереди оставались районные кордоны. Надо было поговорить с Соловейчиком и напомнить отцу, что про рыбалку я помню. Для начала допью, пока горячий.

Люська сегодня выдала премии, Римма разобрала пробы, Палыч отложил Найде на корм. Я потянул к себе сахарницу: вот ради чего стоило возвращаться на эту базу, а с утра опять тащиться договариваться о солярке.

— Завтра ранний подъём, — сказал я, допивая чай. — Поехали домой.

Мы вышли из лаборатории и занесли портфель в контору. Палыч запер его в сейфе, убрав ключ во внутренний карман. Потрогал освободившуюся ладонь: ручка успела намять кожу. Хорошо хоть домой понесу только свои руки.

По дороге я вспоминал, как Шмель сунул премию в карман и отвернулся. Наутро с него требовались ночной журнал и список постов; вот там и станет ясно, насколько его хватит. Подал Римме руку на скользком месте и перестал оглядываться на ангары.

Первый месяц под №001 бригада отработала. Теперь надо было довести её до следующей премии.

«Волга» с прицепом натужно тянула по Ярославскому тракту. В прицепе лежали мешки с образцами сахара, папку пустых бланков я держал на коленях. Через подошвы тянуло холодом от пола. За окном мелькали голые берёзы; над деревнями дым стелился к земле. Мазай поправил хват на руле и покосился на прицеп в зеркале. Я ему только обзор загораживал своей папкой.

— Сворачивай на вторую полосу, — показал на щит «Ярославский НПЗ» и поймал съехавшую с колен обложку. — Не лезь в основную очередь. Там гаишники или свои же охранники будут время тянуть. Нам нужен прямой въезд.

Мазай хмыкнул, перестроился через встречу, где нас чуть не съёс автобус с рабочими.

— Прямой въезд без пропуска? Данила Павлович, мы тут не у себя на базе. Это завод федерального подчинения. Там даже директор в сортир без отчёта не ходит. — Мазай убрал ногу с газа и указал подбородком на будку у въезда.

— Ходит, если знает, кому платить за бумагу. А я пришёл не просить бумаги. Я пришёл продавать сахар. — Отодвинул бланки к дверце и достал из внутреннего кармана телеграмму.

Мы остановились у КПП. Из «УАЗика» за будкой выбрался охранник в форменной куртке и постучал по моему стеклу. Я опустил его на ширину пальца: всего салона выстудить нам ещё не хватало.

— Документцы, начальник. И цель визита. — Охранник нагнулся к щели и подставил под окно раскрытую ладонь.

— Цель визита — встреча с директором Свербеевым Аркадием Петровичем, — повернулся к охраннику и прикрыл коленом бумаги от снега. — У меня подтверждение его готовности принять поставщика сырья. Если хотите, могу позвонить ему лично. Но тогда он будет ждать у ворот не меня, а вашего начальника смены, который нарушил порядок доступа по служебной записке.

Охранник нагнулся ниже, стараясь разглядеть бланки у меня на коленях. Я дождался, пока он дочитает телеграмму.

— Нет у тебя подтверждения. Показывай паспорт и путевой лист. Или разворачивайся. — Он отвёл руку и указал на площадку перед шлагбаумом.

Я расправил телеграмму и пристроил на приборной панели, развернув к охраннику текстом. Под печатью диспетчерской службы завода значилось: *«Свербеев А.П. ожидает. Пропуск №45-Т. Действителен до 18:00»*. Подтверждение встречи мы получили утром через Гридасова: майор связался с заводом по своим служебным каналам. Охране оставалось проверить запись в списке.

— Читай вслух, — высунул приглашение в оконную щель и потребовал прочесть подпись. — Чтобы потом не жаловаться, что ты меня не понял.

Охранник сверил пропуск со списком. В будке он поднял трубку, назвал мою фамилию и дождался ответа. Мне вернул листок через окно, а сам потянулся к кнопке шлагбаума.

— Проезжай. Только долго там не торчи. — Охранник отпустил кнопку шлагбаума и махнул нам через стекло будки.

— Спасибо, сынок, — засунул пропуск под обложку и закрутил ручку стеклоподъёмника. — Передай, что поставщик сахара приехал.

Мазай плавно тронул «Волгу» с прицепом. За окном медленно поплыли заводские трубы.

— Гонишь ты, Грач. А если бы он стал звонить внутрь? — Мазай переключил передачу и обогнул стоявший у цеха грузовик.

— Так он и позвонил. Потому и пустил, — убрал возвращённую телеграмму к бланкам и закрыл клапан. — Теперь вся охрана знает, что приехал поставщик по приглашению. Нам этого и надо.

Между цехами тянуло химической сладостью, от которой захотелось поднять стёкла. У главного корпуса Мазай припарковался и показал мне чёрный «Мерседес» с московскими номерами: узнал машину Костина. В приёмной под советским гербом было тепло, зато секретарша за стойкой сразу заслонила от нас проход.

— Вы к Аркадию Петровичу? — Секретарша сняла очки и перегородила ладонью лежавший перед ней журнал.

— К нему. Данила Павлович Грачёв, по телеграмме директора. Прошу доложить. — Подошёл к стойке и раскрыл папку на телеграмме.

— Он занят совещанием. Ждите. — Она проверила часы на стене и пододвинула обложку обратно ко мне.

У дерматинового диванчика я остался стоять. Телеграмму держал раскрытой перед секретаршей, и мы оба прекрасно видели срок пропуска.

— Где он проводит совещание? В большом зале или в кабинете? — Обошёл край стойки и заглянул в коридор.

Она потянулась было к моему локтю. Раскрытую обложку я прижал к груди: ещё выхватит телеграмму и усадит на этот диван.

— В... в малом конференц-зале. Но туда нельзя! — Секретарша вскочила и вытянула руку поперёк коридора.

— Я знаю, куда можно, а куда нет. Просто скажите, дверь открыта или закрыта? — Остановился возле её руки и повернул телеграмму к ней текстом.

— Открыта. Но... — Она начала возражать, отступив к телефонному аппарату.

Из малого зала доносились голоса. Я прошёл по коридору, толкнул приоткрытую дверь и вошёл.

Во главе стола сидел Свербеев, крупный мужчина с седеющими висками. По бокам устроились двое его заместителей, напротив разместились трое в новых костюмах. Худощавый блондин пододвигал директору свой проект:

— ...мы готовы обеспечить гарантированный сбыт вашей продукции при условии поставки сахара по фиксированной цене ниже рыночной на десять процентов, — блондин перелистнул свой проект и подвинул его к директору. — Наш банк может выступить гарантом...

Блондин осёкся на полуслове. За моей спиной слышалось торопливое цоканье секретарши.

— Прошу прощения, что прерываю, — вошёл и закрыл за собой дверь, оставив секретаршу снаружи. — Но у вас здесь чужие люди обсуждают ваши деньги.

Свербеев задержал взгляд на телеграмме, которую я держал поверх папки.

— Данила Грачёв? — Свербеев откинулся в кресле и отложил поданный блондином проект.

— Тот самый, поставщик эшелонов сахара, — подтвердил, приподняв перед собой телеграмму.

Блондин поднялся, сдвинув стул ногой. Теперь ему самому пришлось заслонять свой договор от директора.

— Кто вы такой? Мы ведём переговоры с руководством завода. Вас здесь не приглашали! — Блондин придвинул к себе кейс и закрыл ладонью проект договора.

— Меня пригласили подписать контракт на зимнее снабжение области топливом, — подошёл к столу и потянул свободный стул на себя. — А вы, судя по машине, которая стоит у входа — чёрный «Мерседес» с московскими номерами, — представляете интересы конкурентов моего клиента. Правильно понимаю, господин Костин?

Костина Мазай назвал мне на парковке: ставленник крупного столичного холдинга, который перекупал госзаказы. Оставалось проверить, насколько Свербееву хочется слушать посредника при прямом поставщике.

Директор посмотрел на Костина и постучал пальцем по оставленному для меня месту.

— Садись, Данила Павлович, — директор указал мне на стул и повернул чужой договор к Костину. — Конференция окончена. Господа, прошу покинуть помещение. Мы будем работать с прямым поставщиком.

Костин схватил кейс и вышел, хлопнув дверью. Спутники пошли за ним. Я дождался, пока утихнут шаги в коридоре; теперь за столом оставались Свербеев и двое его заместителей.

— Ну, рассказывай, — директор выпрямился и указал на мои бланки. — Что ты мне привёз, кроме наглости?

— Сахар, Аркадий Петрович, в любом объёме, — сел и разложил перед директором график. — Кулагинские каналы работают стабильно, эшелонами. Вот график поставок.

— Сахар нынче не валюта, Данила Павлович. Его у каждого совхоза навалом. Солярка — вот валюта. Ты хочешь, чтобы я обменял топливо на то, что лежит на каждой полке? — Свербеев приподнял мой график за угол и отложил к своему календарю.

— Я хочу, чтобы вы обменяли топливо на то, что гарантированно придёт вовремя. Совхозы срывают сроки. Они пьют, они теряют грузовики, они не имеют складов. У меня выстро-

ена логистика. Своей бригадой прошёл кордоны, с областью работаю напрямую. — Развернул карту маршрутов и совместил её край с графиком.

Карандаш директора постукивал возле декабрьских отгрузок. Я дожидался, когда он перейдёт от сахара на каждой полке к тому, что ему действительно требуется.

— Допустим, твой сахар интересен, — он подтянул календарь и нашёл в нём декабрьские отгрузки. — Но цена вопроса высока. Мне нужно закрыть отпуск по дизелю на месяц вперёд. Твои условия?

— Фиксированный литраж до марта. Без привязки к биржевым котировкам, — провёл по графику до последней строки и задержал на ней палец.

Директор усмехнулся и притянул черновик поближе.

— Ты хочешь замороженную цену в условиях инфляции? Это утопия. Кроме того, я требую предоплату. Два эшелона сахара раньше подписания контракта. Чтобы я знал, что ты не пустышка. — Свербеев взял карандаш и вписал условие предоплаты на черновике.

Глава 2

Два эшелона надо просить у Кулагиной в долг ещё до подписи. А если Свербеев потом передумает, товар останется на его территории. Я потёр большим пальцем край бумаги, оттягивая ответ.

На карте под моей ладонью сходились пути к школам и госпиталям. Отодвинул её ровнее, оставив передо мной место для письма.

— Предоплата не входит в стандартные схемы, Аркадий Петрович. Но я пойду навстречу, если вы пойдёте мне навстречу в другом. — Развернул черновик к себе и обвёл требование о двух эшелонах.

— В чём именно? — Свербеев протянул руку за черновиком и развернул его к себе.

— Вы запретите этим господам из «Мерседеса» посещать ваш завод. И вы подпишете график поставок топлива к новогоднему столу области, — прочёл условия в черновике и указал на декабрьские даты.

Свербеев вскинул брови и перевёл взгляд с меня на своё расписание.

— При чём тут Новый год? — Директор переспросил, задержав карандаш над календарём.

— При том, что вам нужна хорошая новость в отчётности перед облисполкомом, — раскрыл обложку и выложил перед ним проект письма. — Сахар получит ваша торговая сеть, а солярку мы пустим на снабжение школ и больниц Владимирской области. Это социальный проект, Гридасов подтвердит в комиссии.

В проекте письма НПЗ обеспечивал «социальную стабильность региона через бартерные механизмы». Читать такую формулировку мне самому было тошно, зато в облисполкоме её поймут без перевода.

— Вы получаете статус социально ответственного предприятия. Я получаю топливо, — перевернул письмо текстом к директору и указал на строку о школах и больницах. — А Костин получает отказ, потому что он не может дать вам такую бумагу. Он даёт вам только риск скандала с проверкой цен.

Директор прочёл письмо до конца и положил возле своего календаря. Карандашом постукал уже по условию предоплаты. Ну давай, Аркадий Петрович, за твоё топливо я полновесным сахаром плачу.

— Ладно, Данила Павлович. Играешь жёстко. Но красиво. Предоплату я снимаю. Но объём топлива фиксирую по прошлогоднему отпуску вашим областным базам. В приложении дадим месячный литраж и встречный вес сахара. Плюс пять процентов сверх плана. — Свербеев зачеркнул условие предоплаты и дописал прибавку к базовому объёму.

— Плюс десять, — взял карандаш с края стола и поправил его пятёрку. — И график по суткам, а не по декадам.

— Восемь. И я лично контролирую отгрузку. — Он перечеркнул мою десятку и вписал над ней восьмёрку.

— Договорились, — обвёл восемь процентов на черновике и протянул директору руку. Свербеев пожал мне руку и повернулся к селектору.

— Несите типовой договор, оформляем сейчас, — Свербеев нажал кнопку селектора и подвинул к себе календарь отгрузок.

Пока юристы печатали документы, я вышел в коридор проветриться. Вернувшись, сверил месячный литраж в приложении с нашим заявленным расходом и проверил сахарный эквивалент. Восемь процентов сверх базы вошли в обе встречные ведомости, сахарная предоплата исчезла. Мы со Свербеевым подписали договор и приложения в двух экземплярах. Свой я

сунул под клапан и застегнул портфель. Пальцы дрожали, плохо попадали в застёжку. Теперь можно было хоть до «Волги» дойти молча.

Вечером мы возвращались домой на той же «Волге». Мотор грелся, и у придорожного павильона возле Переславля Мазай свернул на площадку. Он поднял капот, я вышел размять ноги. Рядом стоял рейсовый автобус; пассажиры брали чай перед дальней дорогой.

У окна павильона Кузя продавал пряники из раскрытой коробки. Он тоже возвращался во Владимир и ждал свой рейс. Перед ним стоял толстяк в кожаной куртке, откусывал пряник и заслонял прилавок локтем.

— Ну, Кузьма, эти удачнее, — толстяк покрутил остаток перед носом и сунул в рот. — Мне два кило. Для коллег возьму.

Кузя подмигнул мне поверх его плеча и поставил коробку на весы.

— Товарищ Груздев, после ваших заказов скоро отдельную печь топить придётся, — он завернул покупку и подвинул её по прилавку. — Куда следующую везти, опять через редакцию?

— Через редакцию долго, — Груздев вынул из кармана визитку и вручил Кузе. — Вот прямой телефон. Если пряники кончатся — звони. Угощу коллег в Москве.

Задержался у капота. Имя депутата из Президиума знали и Кузя, и Прохор, а теперь у нашего пекаря был прямой номер. Со своими бедами я к нему полезу после, если понадобится. Кивнул Кузе, дождался, пока Мазай закроет капот, и сел на своё место.

Ночью, после возвращения, Люська вышла из своего угла с тетрадкой в руках. Лицо у неё было серое.

— Данила, — она подошла ко мне и раскрыла тетрадь на заложенной странице. — У Гвоздёва накладные не бьются с весовой.

Я стянул шапку и расправил влажные волосы. После целого дня возле заводских бумаг очень хотелось услышать от Люськи что-нибудь про готовый ужин.

— Покажи, — снял перчатку и принял расчёт из её рук.

За два месяца она сверила шесть рейсов. В каждой паре записей вес расходился; я провёл пальцем по столбцу и вернулся к началу, проверяя, кого она считала.

— Он сам признался? — Дочитал столбец недостач и перевернул тетрадь к Люське.

— Ещё нет. Я жду тебя. — Она покачала головой и вернула закладку на первую сверенную накладную.

На стене висела карта декабрьского рейса по трём районам. Десять фур завтра надо было выпустить, и разбирать Гвоздёва до утра я сейчас не потянул бы.

— После рейса решаем, — вернул ей расчёт и потянул шапку на лоб. — Сегодня я хочу спать.

Уснуть удалось лишь под утро. Стоило закрыть глаза, вспоминался заводской черновик с зачёркнутой предоплатой. Сунул руку в куртку на стуле: визитка Груздева была на месте. Кузя отдал её мне после возвращения, велел обращаться напрямую, если понадобится.

Утром Палыч выдал топливо на колонну, а я забрал из сейфа портфель. Заявку с визой вложил в прозрачную обложку к школьным накладным: на кордоне покажу и нашу цель, и московскую подпись.

В тумане фары «Уралов» выхватывали мокрый асфальт под самыми колёсами. Я устроился на месте второго водителя головной фуры, подобрав ноги и освободив Мазая место. В зеркале дрожали огни девяти машин. На всех лежала проверенная Риммой мука; сейчас требовалось довести её в школы, сохранив мешки сухими и целыми.

— Гляди на дистанцию сзади, Даня, — Мазай попросил, поправляя боковое зеркало. Термос между сиденьями подпрыгивал на кочках; я зажал его ногами, чтобы не укатился под педали.

— Вижу шлагбаум, — выпрямился и снял портфель с крюка. Возле будки маячил Гуськов, заведующий райотделом торговли Петушинского района. Опять этот деятель! До школ рукой подать, а у него уже готова новая бумага.

Головная фура подкатила к шлагбауму и остановилась. Спрыгнул на обочину, натянул рукавицы повыше и прижал портфель к боку. Внутри лежал московский журнал, а к заявке с подписью Пастухова я подложил школьные сопроводительные. До вручения груза оставалось несколько чужих подписей и этот шлагбаум.

Гуськов подошёл к нашей кабине, придерживая полы пальто. Красный от ветра нос почти уткнулся в мой портфель.

— Проезд закрыт, — сказал он. Голос дрогнул, но он тут же прокашлялся, придав ему жесткость. — Для держателя №001 проезд закрыт. Циркуляр области. Ограничения на транзит товаров первой необходимости. Вы же читали?

Распрямился перед Гуськовым, так что ему пришлось запрокинуть голову. Хоть рост пригнулся в этой торговле бумагами.

— Читал, Гуськов. И ты тоже читал. Только вот бумага эта новенькая, а работа старая. — Отстегнул клапан портфеля и подставил его под локоть.

Он проследил за моими руками. На заявке виднелось короткое «Рассмотреть»; к московской визе я приготовил бумаги по школьной поставке.

— Служебный документ Управления программ, — вынул заявку и развернул следом школьные ведомости. — Вот его виза на заявке. А вот накладные: мои грузовики везут муку в петушинские школы. До сильных морозов три дня. Если дети не получают хлеб, виноваты будете вы. И ваши начальники в области.

Он пробежал глазами московскую дату и подпись, затем скопился на циркуляр, приколотый в будке. Тут ему и хотелось подчиниться, и было страшно остаться крайним. Сопроводительные он перевернул, выискивая ещё одну печать.

— Это... это спорный момент, — пробормотал он, возвращая бланк. — У меня прямое указание не пускать грузы без областного согласования. А у вас только подпись. Без печати райсовета.

— Печать райсовета будет завтра, если я не доеду, — забрал бланк и двинулся за Гуськовым к будке. — А сейчас звони Гридасову. Прямо при мне. Скажи, что Грач стоит на кордоне с десятью фурами муки для твоих детей. Пусть он сам решит, пускать меня или оставить школы без хлеба на неделю.

За спиной Гуськова водители двух колхозных «ЗИЛов» выглянули из кабин. Им надо было везти корма, а мы держали дорогу. Я отступил поближе к двери будки, чтобы заведующий при разговоре с Гридасовым меня видел.

Гуськов набрал номер. «Алло, товарищ Гридасов?.. Да, Гуськов... Грач стоит. С бланком». Он закрыл нижнюю часть трубки ладонью, но слушать ему всё равно пришлось при мне.

— Что он говорит? — спросил Мазай, подойдя к нам.

— Ждём ответа, Мазай. — Остановил его у аппарата и прислушался к трубке.

Гуськов отвёл трубку от уха, и я разобрал голос Гридасова:

— Заявку с визой я видел, — Гридасов откашлялся и потребовал сверить школьные накладные. — Груз идёт по областной поставке. Со своей стороны подтверждаю согласование комиссии. Пропустите колонну, фамилию ответственного за задержку запишите.

Заведующий записал продиктованное на клочке возле журнала. Потом положил трубку и поискал глазами ключ от будки.

— Проезжайте, — он выдал разрешение, отведя щеколду на двери будки.

Шлагбаум поднялся над дорогой со скрипом. Я вернулся в кабину, потер замёрзшие пальцы и затолкал свою ношу подальше от дверцы. До Собинского района заявку убирать глубоко было рано.

На выезде из Петушинского района я записал время простоя на обороте накладной. Мазай передал по колонне, что едем дальше без остановок, а я убрал заявку и притянул портфель к ногам. До следующего кордона успел отогреть пальцы о термос.

На Собинском посту дверь будки была прикрыта, шлагбаум опущен. Мы подкатили ближе, и из-за деревьев выехали два сотрудника ГАИ на мотоциклах с колясками. Один встал поперёк дороги, второй пристроился у обочины, перекрыв объезд.

— Стоять! — крикнул один из них, показывая жезлом. — Проверка весогабарита. Все машины на досмотр.

Мазай выжал тормоз, остановив головную машину. За нами остановились девять гружёных машин. Проверить перегруз они могли по закону; за сколько справятся, зависело уже от того, чего хотели на этом посту.

— Тент режут! — Водитель второй фуры высунулся из кабины и указал назад, на брезент.

От нашей кабины я побежал вдоль машин. Полный инспектор в милицейской шапке шёл возле кузовов, тыча в них ручкой.

— Груз не соответствует накладным, — заявил он, останавливаясь у третьей фуры. — Видите, здесь тент поврежден. Значит, есть несоответствие. Нужно вскрыть и проверить каждую пачку. Это займет сутки.

Я оглянулся на третью фуру: её тент оставался целым. А на задней машине двое сотрудников орудовали ножницами, распарывая брезент. Лоскут свалился на снег. Да они мне муку сейчас выстудят и намочат!

Я прикусил губу и пошёл вдоль колонны. За порванный тент придётся заплатить ещё до того, как выясню фамилии. Дам денег этому с ножницами, завтра получу дыру на следующей машине. Требовалось остановить его сейчас, при свидетелях.

Водители колхозных «ЗИЛов» курили у обочины за нашей колонной. Их тоже продержали у первого кордона. Я махнул ближайшему, чтобы пока оставался у кабины: сейчас его очередь пригодится нам обоим.

— Мазай, — отвёл его от инспектора и прикрыл рот рукавицей от ветра. — Открой инструментальный ящик на хвостовой машине. Там запасной брезент и плёнка. И скажи парням с «Зилов», пусть выезжают вперед. По одному.

Мазай оглянулся на хвостовую фуру и пошёл к ней. По дороге переговорил с колхозниками. Два старых «ЗИЛа» с накладными на зерно и корма выехали вперёд, вклинившись между нами и милицейскими мотоциклами.

Инспектор повернулся вслед за первым «ЗИЛом». Сотрудник с ножницами у хвостового кузова остановился.

— Это кто такие? — Инспектор загородил жезлом дорогу первому «ЗИЛу» и заставил водителя тормозить.

— Колхозники, — ответил я спокойно, подходя ближе. — Едут возить корм для фермы. Районная власть их отправляет. Хотите проверить и их? Весовой контроль для всех одинаковый.

Инспектор оглянулся на будку. Колхозники уже высывались из кабин, спрашивали, на каком основании их держат. Пусть попробует объяснить фермам, почему корма до вечера останутся здесь.

— Они должны быть в очереди! — Инспектор крикнул, шагая навстречу колхозной машине.

— Они в очереди, — отошёл от борта «ЗИЛа» и указал на наши фуры за ним. — Первые две машины колхозные, третья моя. Проверяйте первую. Но имейте в виду: если у вас есть претензии к целостности груза, то фотофиксация порчи тента на моей машине уже сделана. Мой фотограф ждёт сигнала. А фото колхозной машины с порчей тента попадёт в областную газету быстрее. «ГАИ Собинского района мешает животноводству», прочтает весь регион.

Милиционеры с ножницами затоптались возле порванного брезента. Колхозники требовали объяснений громче, а инспектор оборачивался к заведующему. Я тоже хотел, чтобы тот вышел и услышал.

Теперь следовало записать, кто и зачем держал нас на этом посту. Завтра с меня потребуют доказательств.

— Заведующий отделением где? — Спросил, обходя его к будке. — Мне нужен главный человек здесь. Не вы.

Из будки вышел мужчина в сером костюме. Он поправил очки и посмотрел сперва на колхозные грузовики, потом на меня.

— Чем могу помочь? — Заведующий спросил, запахивая пиджак у порога будки.

— Поможете, — остановился рядом с заведующим и показал заявку. — Мне нужен ваш гербовый журнал регистрации входящей-исходящей корреспонденции, сейчас же.

Заведующий отошёл от порога к столу и оглянулся на мотоциклы.

— Зачем он вам понадобился? — Заведующий загородил проход к столу и прижал ладонью верхнюю крышку.

— Чтобы зарегистрировать факт препятствования поставкам в социальные учреждения района, — повернул заявку подписью к нему и придержал дверь плечом. — С указанием номера бланка Управления и подписи начальника. Я буду делать запись лично. На ваших глазах.

С московским журналом я уже насмотрелся, как людей пугает собственная фамилия в чужом документе. Здесь запись останется у них. Придёт проверка, заведующему придётся предъявить записи вместе с циркуляром, из-за которого он задержал школьную муку.

Он застрял в дверях, глядя мимо меня на инспектора. Отказать мне при этих водителях было бы ещё одной строкой в жалобе. В конце концов заведующий отступил в будку.

— Журнал на столе, — прошипел он, развернувшись. — Пишите. Но потом ответите за содержание.

От печки внутри ударило теплом по замёрзшим щекам. На столе лежал толстый журнал в коричневой обложке, возле него синяя ручка. Открыл чистую строку и снял колпачок, пока заведующий стоял у моего плеча.

«12 декабря. Пост №4. Зарегистрировано препятствование движению транспорта №001 (груз: мука для школ). Основание: служебный бланк Управления №78-П. Ответственный исполнитель задержания: инспектор Дорохов. Факт порчи имущества (тент) зафиксирован.»

Я проверил дату, номер бланка Пастухова и фамилию Дорохова. Слово «порча» подчеркнул ручкой. Пусть потом объясняют ножницы при проверке.

Заведующий наклонился к строке и задержал палец возле фамилии инспектора. Мой текст оставил как я написал.

— Шлагбаум, — заведующий распахнул дверь и подозвал инспектора. — Поднимите шлагбаум. Немедленно.

Сомкнул коричневые крышки, придерживая за угол: свежая запись сохла.

— Спасибо за сотрудничество, — вернул ручку на стол и подтолкнул коричневую обложку к заведующему.

Снаружи оттаскивали мотоциклы, освобождая дорогу. Дождался, пока освободят проезд, и махнул Мазаю. Наши фуры стояли с работающими двигателями; я обошёл одну за другой, проверяя, готовы ли двигаться.

Заплату закрепили на дугах кузова и проверили груз под ней. Из будки мне вернули накладные; я забрал их, сверил число машин и сел к Мазаю. Колхозные «ЗИЛы» ушли первыми, мы двинулись следом к следующему району.

На Муромском кордоне шлагбаум был поднят. Охранник дремал в будке, при нашем приближении приоткрыл глаза и махнул дальше. Видимо, с предыдущего поста позвонили. Я убрал приготовленные документы, пока он не передумал.

В школьных подвалах мешки ставили на сухие подкладки. Пахло сыростью и мелом, с лестницы тянуло кухней; я придерживал дверь, пока носильщики протискивались мимо. Директриса Зоя Ермолаевна считала уложенные мешки, поправляя на затылке седой узел волос.

— Двадцать первый, двадцать второй... — Зоя Ермолаевна пересчитала последние мешки и отметила итог в накладной.

Последний мешок лёг на место. Директриса взяла свежую районку с подоконника и подошла ко мне.

— Вы видели? — спросила она, протягивая мне экземпляр.

На первой полосе стоял заголовок «Кто душил поставщика №001?». Пробежал текст до середины первой колонки. Соловейчик привёл расценки, сослался на циркуляры и назвал тех, кто держал наши грузовики. Вот молодец, добился публикации! Теперь любому читателю было с чем идти к своим начальникам.

— Теперь звонят сами, — Зоя Ермолаевна указала на телефонный аппарат в углу подвала и пригласила меня послушать. — Из соседних районов. Спрашивают, когда следующая партия. Говорят, что слышали про вашу проблему. Хотят помочь.

Я развернул газету обратно к заголовку. Вчера меня держали на посту и требовали ещё печать, а сегодня директора спрашивают, когда ждать новую партию. Надо будет взять у Соловейчика несколько экземпляров для следующего рейса.

На обратном пути стемнело. Мазай вёл по мокрому асфальту, а я отогревал ладони о термос. В школьных накладных стояли подписи о приёмке; я проверил их ещё раз и наконец позволил себе вытянуть ноги.

У придорожного павильона, где обычно продавали сухари и пиво, попросил остановиться.

— Чего тебе? — Мазай спросил, притормаживая у павильона.

— Пряники, — спрятал термос между сиденьями и открыл дверцу. — Кузьмины.

Продавщица узнала меня у окошка. Пока выбирался к ней по обледеневшей ступеньке, она уже подвинула на прилавок весы.

— Хорошие пряники, — продавщица сняла коробку с полки и придвинула ко мне. — Берут охотно. Вон, вчера депутат Груздев заходил, целый килограмм забрал. Говорит, для души.

В кабине я раскрыл коробку и откусил пряник. Медовая крошка прилипла к губе; пришлось ловить её языком, чтобы не сыпалась на накладные. Палыч ведь предлагал отмечать, где у Кузи хорошо берут. Там охотнее пустят и наши фуры, а где покупателей отгоняют от прилавка, стоит заранее разузнать про местного начальника. Попрошу Кузю помечать такие места по рейсам.

В кармане зазвонил телефон. Достал его и повернул экран к свету приборной доски, нащупывая кнопку ответа.

— Даня, — Палыч заговорил сквозь треск в трубке; я прижал телефон к уху и попросил Мазая убавить радио. — Завтра у отца день рождения. Ты обещал. Не забудь.

Глава 3

За окном остались только редкие дорожные огни. Припомнил, во сколько Павел Сергеевич собирался на пруд. Если сейчас вернёмся на базу, успею подготовить снасти.

— Буду, — подтвердил, придерживая телефон у плеча. — Передай Люске, чтобы не волновалась. Я справлюсь.

Я отвёл трубку от уха. Мазай уже выруливал с площадки.

— Куда теперь? — Мазай спросил, включая фары перед выездом с площадки.

— Домой, — убрал телефон в карман и попросил Мазая разворачиваться. — Отдыхать, отца с утра на пруд повезу.

Пустые после разгрузки фуры двинулись к базе. На задней машине хлопала брезентовая заплатка: за испорченный тент предстояло получить деньги. Зато мука уже лежала в школьных подвалах, а фамилия инспектора осталась в местном журнале.

Мороз щипал ноздри, стоило вдохнуть глубже. Мы с отцом сидели у проруби на лесном пруду, километрах в тридцати от базы. Поплавок покачивался в чёрной воде. Прикрыл от ветра ухо и придвинулся к отцовскому ящику: хотя бы здесь меня никто не торопил с подписью.

Павел Сергеевич следил за поплавком. Иней застрял в бороде, у глаз разбежались морщины. Когда-то он одной рукой вытаскивал меня за шкурку из чужого огорода; сейчас я подался было помочь ему с тугой пробкой термоса. Он только отвёл мой локоть. С руками у него пока всё в порядке.

— Ты теперь большой, — отец отставил удочку и вывинтил из термоса пробку.

Ветер поднял с ящика снежную пыль. Я отвернулся от порыва, потирая щёку рукавицей.

— Большой, пап. Только не тот, каким ты хотел. — Повернулся к отцу и прикрыл ладонью кружку от снежной пыли.

Павел Сергеевич сделал глоток и прижмурился. Я вспомнил, как он дул на мой чай, когда я ещё не умел пить из кружки и хватал её обеими руками.

— Не забывай, что я тебя таким маленьким помню. Когда ты плакал, что колесо от велосипеда соскочило. Тогда ты весь двор на уши поставил. А сейчас... — Он отставил кружку на ящик и махнул рукой в сторону леса, за которым шумела трасса, — ...сейчас ты сам себе велосипед собрал. И едешь быстрее всех. Но смотри, Данька, чтобы руль не вырвало. Бывает, что ветер сильный.

Про ветер он сказал, глядя в сторону далёкой трассы. Догадывался, что дело тут и в Москве, и в Пастухове. Вытягивать из отца точные фамилии не хотелось.

— Не вырвет, — поправил леску и опустил крючок в прорубь. — Руль железный. Сам варил.

Он кивнул и вернулся к поплавку. Час прошёл за пустой удочкой, за тихим плеском в проруби. Телефон грелся во внутреннем кармане; я налил себе чаю.

К полудню тени на снегу вытянулись. По подъезду к пруду ползла «Нива», за деревьями мелькал знакомый багажник. Вот же нашли нас и здесь.

— Палыч, — он приподнял удочку и перевёл леску к другому краю проруби. — Что-то горит?

— Не горит, — обернулся к машине и поставил кружку на ящик. — Приехал.

Палыч хлопнул дверью, стряхнув с крыши «Нивы» снег, и поспешил к нам. Он растирал уши на ходу. На просьбу звонить только в случае пожара он ответил личным приездом, и мне хотелось его развернуть обратно.

— Данила Павлович, — начал Палыч, сбивая снег с валенок. — Гвоздёв сам приехал. Сидит в тепляке. Люська закончила сверку. Шесть рейсов. Вес не сходится ни разу. Плюс перегруз левака. Под муку возил сахар и водку для брата своего, москвича.

Павел Сергеевич посмотрел на меня, потом на Палыча. Поплавок в проруби качнулся. Мне очень хотелось, чтобы он сейчас утонул и пришлось вытаскивать рыбу, а не ехать к Гвоздёву.

— Раз такое дело, управляйся, — отец втянул леску и убрал удочку в чехол. — Я здесь побуду. Из термоса ещё попою, заедете потом.

Я собрал свои снасти, забыл у ящика рукавицу и вернулся за ней. Обещал отцу целый день, а теперь увожу машину и оставляю его на льду. Гвоздёва придётся разбирать сегодня: бригада ждёт, завтра опять выходить в рейсы.

Мы с Палычем сели в «Ниву». За окном мелькали деревья, а я вспоминал шесть накладных на фанере. Выгоню Гвоздёва, получу у конкурентов водителя, который знает нашу базу. Оставлю, каждый спросит, сколько ему самому можно увезти. Придётся оставить так, чтобы за ним смотрели в обе стороны, от загрузки до приёмки.

На базе пахло соляжкой, светились окна тепляка. Водители толпились у входа. Шмель стоял сбоку, скрестив руки, и пропустил меня внутрь с усмешкой. Явно хотел посмотреть, чем закончится разбор.

Гвоздév сидел на перевернутой канистре, пряча руки между коленями. Под глазами залегли тёмные круги; на мой вход он подался было вверх, но сел. Люська держала возле него третью тетрадь с шестью сверенными рейсами.

— Ну, рассказывай, Гвоздév. Мне или сразу всем? — Вошёл в круг света и остановился перед канистрой. Говорившие у двери умолкли.

Гвоздév поднял глаза и открыл рот, набирая воздуха. Место между канистрой и верстаком я оставил свободным, если захочет встать.

— Данила Павлович, брат... он должен был... — Гвоздév подался вперёд и вцепился в край канистры. — Я не хотел красть у вас. Я хотел вернуть ему долг. Он сказал, что это временно. Что никто не заметит. Весовая... весовая тоже смотрела сквозь пальцы...

Люська шумно выдохнула и развернула тетрадь к водителю.

— Сквозь пальцы? — переспросила она, листая тетрадь. — Здесь, Данила, шесть накладных. Разница в весе — от двух с половиной до двенадцати процентов. Ты возил вместо муки мешки с сахаром-песком и бутылки. А в документах писал «мука высший сорт». Ты меня за дуру держишь? Или за слепую?

Шмель хмыкнул за моей спиной. Гвоздév раньше получал больше многих, считался одним из лучших; теперь бригада теснилась вокруг его канистры, а Шмель с удовольствием слушал про каждую недостачу.

Я обошёл канистру к верстаку, взял лежавший возле доски мел и написал крупно: «2%». Кисть вымазалась, пришлось вытереть пальцы о край куртки.

— Слушай сюда, Гвоздév, — положил мел на верстак и встал напротив водителя. — Ты не ворующь у меня. Ты ворующь у области. У детей, которые едят эту муку. У баб, которые пекут хлеб. И у Пастухова, который уже считает тебя своим человеком, потому что ты слабый и продажный.

При имени Пастухова Гвоздév вжал голову в плечи. Я ещё не знал, связан ли с ним его брат; сейчас смотрел, на что отзовётся водитель.

— Я не буду тебя выгонять, — опустил кулак на верстак и разжал пальцы возле мела. — И не буду бить. Хотя рука чешется. Я сделаю хуже. Для тебя.

Я поманил Палыча к доске и дождался, пока он протиснется между водителями.

— С сегодняшнего дня вводим двойное взвешивание. Все машины, идущие через базу, взвешиваются при загрузке и при выгрузке, — поднял мел с верстака и подвёл черту под двумя процентами. — Результат записывается в журнал. Люська ведёт учёт расхождений. Если расхождение больше двух процентов, машина разгружается на месте, водитель остаётся там же,

до выяснения. Деньги из зарплаты вычитаются сразу, публично. Никто потом не скажет, что его не предупреждали.

У двери заговорили сразу несколько человек. Двойное взвешивание задержит каждый рейс, ошибка весовщика теперь ударит по зарплате. Я остался у доски, чтобы все видели цифру и могли спросить при мне.

— Гвоздѐв, ты остаѐшься, — повернулся к водителю и придержал его за плечо, когда он подался с канистры. — Но теперь едешь первым в колонне. Твои накладные проверяются каждые пять километров. Каждый килограмм твоей совести будет на столе у Люськи. Ты станешь примером того, как работает новая система. Будешь сам показывать остальным, как сверять груз. Понял?

У Гвоздѐва по щекам потекли слѐзы. Он закивал так часто, что чуть не ткнулся подбородком в воротник.

— Спасибо... Данила Павлович... спасибо... — Он выговорил благодарность, размазывая по щекам слѐзы.

Я отвѐл глаза от мокрых щѣк к накладным. Завтра этот человек повезѐт наш груз, и Люська сверит его рейс первой. Мне всё ещё хотелось дать ему по шее, но муку от этого не вернёшь.

Люська закрыла тетрадь и стянула её резинкой. Та хлопнула по бумаге; Гвоздѐв вздрогнул и убрал руки с колен.

— Ну всё, расходись, — Люська велела бригаде расходиться и вынула из закрытой тетради первую накладную для сверки. — Работа есть.

Люди потянулись к выходу. Шмель прошѐл мимо, задержав на мне взгляд, и ушѐл в ангар. Ждал, что я размажу водителя при всех, а получил ещё одну ведомость и новые взвешивания. Ночной пост отрезал его от рейсов; теперь за моей спиной вполголоса спорили о весовой, забыв про него.

После разбора Гвоздѐв остался с Люськой сводить накладные, а я отправил Палыча за отцом. До ужина успел умыться и сменить рубашку. Римма велела мне убрать бумаги со стола: пора гостям садиться.

Вечером база преобразилась. Римма успела убрать рыболовный термос со стола и расставляла тарелки для гостей. Я задержался у входа, пока отец выбирал себе место: сегодня я обещал ему день, а подарил лишь несколько часов на льду. Хотя за ужином следовало остаться рядом.

В большом ангаре сдвинули столы до самой стены. Лампы качались от сквозняка, под ними дымилась картошка с мясом. К картошке поставили соленья от Кулагиной и хлеб, который местная пекарня испекла для праздника по нашему рецепту. Римма принесла слоѐнный торт с собственноручно взбитым кремом. Я дождался, пока она поставит блюдо, и подвинул его подальше от моего локтя: вот ещё угроблю подарок.

Кузя в своём вязаном берете взобрался на табуретку. Он любил читать рапорты, и бригада приготавливалась слушать, пока он проверял, до всех ли докричится:

— «Доношу вам, товарищ Грач, что охрана груза осуществлялась мной в условиях повышенной боевой готовности. Враг не обнаружен. Мороз крепчал. Чай остывал. Но дух наш не сломлен!» — Кузя расправил листок и поднял его повыше, под лампу.

Весь стол покатывался. Палыч отставил стакан и взял с подоконника алюминиевую медаль. До ужина он выпилил её ножовкой и обтѐр наждаком края. Теперь подозвал Найду, продел ремешок в отверстие и пристегнул награду к ошейнику. На металле было нацарапано: «За охрану груза №001».

Найда потрясла головой, услышав звон у подбородка. Медаль звякнула о пряжку; собака скосила глаза, попыталась достать её лапой и потянулась к Палычеву бутерброду. Он отломил

ей корку и спрятал колбасу за спину. Бригада засвистела: награждённая явно предпочла бы премию мясом.

Я сидел во главе стола, отец устроился рядом. Водители всё совали ему блюда, предлагали добавки, и он благодарил каждого отдельно. Римма села напротив; стоило ему потянуться за хлебом, она подвинула корзинку поближе.

— Хороший хлеб, — отец отломил ещё кусок и подвинул блюдо Палычу. — Настоящий.

Палыч поднял свой ломоть и потребовал передать похвалу пекарю. Кузя поклонился с табуретки; половина бригады снова заржала. Дождался, пока отец откусит, и положил ему на тарелку мясо.

В открытую дверь ангара вошёл курьер. Я заслонил от сквозняка отцовский стакан и обернулся, собираясь попросить закрыть дверь.

У пришедшего был шарф поверх серого пальто. Он вынул из-под полы плотный конверт с печатью облисполкома Владимирской области и поискал глазами, кому вручать.

Палыч убавил приёмник и привстал, освобождая проход. Курьер протиснулся между стульями к моему месту.

— Данила Павлович Грачёв? — Курьер сверился с конвертом и остановился напротив моего места.

— Я Грачёв, — отложил вилку и отодвинул тарелку, освобождая место перед собой.

— Повестка, — курьер отодвинул стакан компота и положил конверт передо мной. — Заседание коллегии облисполкома. Тема: деятельность поставщика услуг под номером 001 и соблюдение требований циркуляра. Срок явки — четыре дня. Присутствие обязательно. Будет присутствовать московский наблюдатель.

Я посмотрел на край конверта. Четыре дня после сегодняшнего праздника, и там будет человек из Москвы.

Шмель выпрямился у стены, перестав слушать разговор возле себя. Вот теперь ему было интересно.

Я накрыл повестку ладонью. Отец сидел со мной с недоеденным хлебом; до конца его ужина московские фамилии могли подождать.

— Спасибо, — кивнул курьеру и спрятал повестку с клеёнки к себе на колени. — Передайте, что я буду.

Курьер кивнул и пошёл к выходу, придерживая на ходу полы пальто.

Разговоры за столом стихли. Палыч держал палец возле ручки приёмника, ожидая, включать ли погромче.

Павел Сергеевич допил чай и подвинул пустой стакан. Римма перевела взгляд с конверта на меня. Люська достала блокнот; я показал ей пальцами, что разберём после.

— Продолжаем праздновать, — придвинул к отцу тарелку и потянулся за ножом для торта. — Торт без нас съедят. А война начнётся не сегодня.

Палыч прибавил звук, снова усаживаясь на место. Кузя потребовал себе кусок с кремовой розой, и бригада заговорила через весь стол, кому какая роза полагается. Отец подставил Римме свою тарелку. Я разрезал торт дальше, удерживая коленями повестку.

Я положил повестку на верстак. Проводив отца до вагончика, дождался, пока Римма уберёт со стола торт. Бригада разошлась по баракам; в ангаре остались пустые стаканы и приёмник Палыча. Я вернулся за повесткой, прежде чем идти спать.

На верстаке возле моего стула лежал оставленный мной конверт. Забрал повестку и прислушался к голосам снаружи: возвращаться на разгрузку сейчас было бы мучительно.

Конденсат капал с потолка на пустую клеёнку. Сел передохнуть и поймал себя на том, что смотрю в одну точку, так и держа повестку в руке.

Веки слипались, рубашка липла к спине. Сунул бумагу за пазуху: прежде чем готовиться к коллегии, надо было хоть немного поспать.

В своей бытовке я закрыл дверь, положил повестку на стол и отключил телефон. На койку повалился прямо в одежде, успев стянуть сапоги.

Сначала всё возвращался к Гвоздёву и заводскому черновику, то проваливался в сон, то снова открывал глаза. Аня приносила воду и еду; я пил, поднимался по нужде и ложился обратно. На второй день различал, кто ходит за дверью, но вставать к ним сил не находил. На третье утро проснулся от света в лицо. Аня стояла у окна с повесткой в руке. Павел Сергеевич сидел возле меня у приташенного в бытовку самовара и разливал чай.

— Ты два дня проспал, — Аня отвела занавеску и придвинула ко мне стул. — Ну, садись, завтракать будем, папа уже чай разлил.

— Сплю, — прохрипел, спуская ноги с койки. В пересохшем рту язык едва шевелился.

Я принял отцовскую кружку, обхватив горячие бока ладонями. От пара защекотало нос, живот тут же свело голодом.

— Пойдёшь воевать — иди сытым, — отец поднёс ко мне хлеб и положил на него ломоть мяса.

Сидя на краю койки, я допил половину чая. Потом нашёл глазами повестку у Ани в руке: сколько же у меня осталось до коллегии?

Я принял повестку и перевернул лист. Внизу значилось: «Председательствующий: тов. Коньгин. Наблюдатель от Министерства торговли РФ: тов. Савельев».

Савельев... Похожую фамилию я искал в ведомостях из вокзального пакета. Надо будет достать их из сейфа и сверить, прежде чем что-то утверждать. Связь с братом Гвоздёва оставалась подозрением: водитель при разборе её не подтвердил.

Отец подался ко мне, дожидаясь объяснения, и придержал за ручку самоварную крышку.

— Это те самые? — Он спросил, отставляя крышку на поднос.

— Из того же Управления, — перевернул повестку и показал отцу название ведомства. — С братом Гвоздёва разбираться надо, а этих встретим с их собственными начислениями.

Аня опустила ладонь мне на плечо. Я прислонился щекой к её пальцам, прежде чем встать.

— Мы подготовим директоров школ, — сказал я, вставая. Ноги гудели от долгого сна, но были крепкими. — Зоя Ермолаевна уже знает. Гридасов даст памятку о порядке запросов. А я дам им слово.

Я вышел из бытовки, придерживая ворот от мороза. Солнце краснило крыши фур. Перед воротами стояли десять машин, готовых к выезду; раз за время моего сна всё собрали, Щербачков должность принял всерьёз.

Шмель ждал у колонны. Заметив меня, помахал и придержал створку ворот, которую дёргал ветер. Ссору про премию пока отложил. Мне требовалось успеть к директорам, а ему найдётся работа на базе.

— Командир, — Шмель крикнул, отвязывая проволоку от створки ворот. — Машины готовы! Куда бьём?

Я вытащил рукавицы из-за пояса и сбил с ладоней намёрзший снег.

— В школу, — натянул вторую рукавицу и пошёл к первой машине. — Учимся жить по новым правилам.

Визитку Груздева я проверил во внутреннем кармане. Прямой телефон депутата оставался со мной, но сперва требовалось собрать школьные документы.

Павел Сергеевич остался завтракать с Аней. Прошёл вдоль фур к Мазаю, на ходу вспоминая, кому из директоров успею позвонить сегодня.

Кулагина ждала у ларька на своей территории во Владимире. Я свернул с трассы к забору, под которым торчали из снега сухие лопухи. Хозяйка стояла среди сосновых досок в ватнике поверх пальто; сигарета торчала за ухом, на ладонях чернел мазут.

— Данила Павлович! — Кулагина постучала по крыше машины и отступила от дверцы. — Твоя бумага из горисполкома тонет в кофейных пятнах у секретаря. Но прилавок стоит.

Я выбрался из машины и притворил дверцу коленом. Пахло мокрым деревом и свежей краской. Кулагина поставила крепкий ларёк, плотно подогнала доски; над входом висело «Выездная торговля базы Кулагиной». Я провёл пальцем по косяку и испачкался краской. Ну вот, пока чиновники читают заявление, у неё уже можно муку продавать.

— Жиллов подъехал, — сказала Кулагина, кивая на чёрную «Волгу», которая только что затормозила напротив. Из салона выбрался грузный мужчина в дорогой шубе и меховой шапке, надвинутой на самые глаза. Лицо у него было красное от мороза и злобы. — Сказал, что если я не уберу это дерьмо до обеда, он вызовет милицию и сам разнесёт твою витрину молотком.

Жиллов разглядывал окно ларька, пробуя носком сапога утопанный к нему проход. Подошёл, пока он окончательно не перекрыл его собой.

— Грач? — Жиллов окликнул меня и остановился поперёк прохода к ларьку. — Ты совсем ослеп или просто наглость переварила мозги? Это зона ответственности городской торговли. Твои эшелоны здесь ни при чём. У тебя нет права открывать точку в черте города. По циркуляру установлен регламент, порядок. А ты всё превращаешь в хаос.

— Порядок — это когда мука есть на полках, Аркадий Петрович, — сказал я спокойно, подходя ближе. Снег хрустел под ботинками. — А хаос — это когда дети в четвёртой школе едят сухари из прошлого года, потому что райпотребсоюз «согласовывает» поставку муки три недели. Я не открывал новую точку. Я организовал выездную торговлю от своей базы. На своей территории, по своим накладным. Попробуйте доказать обратное. Мне нужен протокол осмотра, а не ваши угрозы.

Он дёрнул плечом, натянув ремень портфеля под шубой. За стеклом продавец ставил на полку пачки крупы возле мешков с мукой.

— Цены! — Он рывкнул, ткнув в окно прилавка. — Посмотри на цены. Гастроном продаёт дороже. Ты демпингуешь. Это подрыв государственной торговли. Я сейчас позову налоговую, и мы проверим каждую копейку, которую ты тут сунул в кассу.

Двое рабочих Кулагиной вышли из-за угла, поддерживая друг друга на льду. Поднял руку, оставляя их в стороне. Ударят Жилова, и весь разговор пойдёт про побои, а не про его цены.

— Проверим, — согласился, отводя рабочих за свою спину. — Прямо сейчас. Только вместе с тобой.

Ремень под шубой снова натянулся, когда Жиллов рывком повернулся ко мне.

— Что значит «вместе»? — Жиллов отступил от прилавка и ткнул рукой мне в грудь.

— Значит, если ты вызываешь проверку цен на моей точке, то подписываешься под встречную проверку на твоей торговой базе, — достал из кармана куртки сложенные справку и накладную №001. Развернул их перед директором. Областные госцены на хлебобулочные изделия он знал; я подвёл палец к своим расходам на муку. Прямые закупки и минимальная наценка позволяли обойти посредников. — У вас, Аркадий Петрович, наценки тройные. И качество муки такое, что её только в бетон месить. Моя справка подтверждает: работаю в рамках лимита. А твоя база работает в рамках наживы. Если начнём копать, кто первый упадёт?

Он схватил листок и повёл пальцем по строчкам. Цифры пришлось прочитать до конца; на них голосом не нажмёшь.

— Это... это не окончательное решение, — буркнул он, возвращая мне листок. Он потянул бумагу обратно, замяв угол, и всё-таки отпустил. — Ты думаешь, эта хибара спасёт тебя? Пастухов знает твой адрес. Знает твоё имя.

— Пастухов знает, что я живу, — сложил справку и подвинулся к краю окошка. — А ты знаешь, что сейчас придут покупатели. И если закроешь ларёк силой, они узнают, чья вина в том, что им негде купить нормальный хлеб.

Молодая женщина в потрёпанном пальто подошла к нам от дороги. Ребёнок спал у неё на плече. Она придерживала его ладонью и ждала, когда мы освободим проход.

— Мука есть? Та, что для выпечки? Белая? — Женщина поправила ребёнка на плече и поднесла к окну свободную руку.

— Есть, — отступил от окошка и показал Кулагиной на новую покупательницу. — Два килограмма хватит?

Женщина кивнула. Кулагина открыла окно, достала пакет и взвесила муку на весах, которые перед отправкой откалибровала Римма. Покупательница отсчитала деньги свободной рукой и приняла пакет. Я придвинул ногой упавшую монетку ближе к ней; она подобрала её и пошла мимо Жилова.

— Мой сын учится в четвёртой школе, — женщина остановилась и повернула к нему пакет с мукой. — Там неделю не было хлеба. Спасибо, что привезли.

Она ушла, а к окну протискивались две старухи. За ними встал студент, затем мужчина с тележкой. Жилов отступил, пропуская колёса по утопанному снегу. При них кричать про закрытие становилось очень неудобно.

— Ты сделал из этого политическую акцию, — прошипел Жилов, наклоняясь ко мне. Запах дешёвого табака и перегара ударил в ноздри. — Пастухов это заметит.

Глава 4

— Пусть замечает, — обошёл его и указал на перекрытый машиной проход. — А пока убирайся со своей машиной с моего проезда. Иначе напишу заявление о блокировке проезда скорой помощи.

Жилов сплюнул и полез в «Волгу». Мотор взвыл, машина медленно обогнула ларёк. Кулагина проследила, чтобы он выехал за ограждение, затем вернулась к весам.

— Работает, — Кулагина подала следующему покупателю пакет и приняла деньги. — Честно работает.

— Пока работает, — раскрыл папку и проверил, на месте ли справка. — Теперь главное — не заснуть на этом. Поехали к Гридасову. У нас час до конца приёма, и мне нужно подписать одну бумажку, которая будет важнее твоего ларька.

Кулагина заперла кассовый ящик и оставила рабочего у прилавка. Мы сели в мою машину и поехали в область; я по дороге сложил накладную со справкой, чтобы у майора показать обе бумаги сразу.

В кабинете Гридасова пахло крепким чаем и табаком. Майор ОБХСС Игорь Петрович, работавший в областной комиссии, сидел за столом между папками. Он указал нам на стулья и поймал задетую рукавом страницу.

— Слышал про Владимир, — сказал Гридасов, стряхивая пепел в жестяную крышку от чая. — Слухи летят быстрее фур. Жилов уже звонил в область. Кричал, что ты нарушаешь территориальные границы. Я ему сказал, что ты нарушаешь только границы терпения местных властей. Это разные статьи.

— Мне нужна памятка для районов, — сел напротив и передал майору справку с накладной. — Рекомендация, как запрашивать документы. Без нового приказа сверху.

Майор выслушал, затем убрал со свободного края стола жестяную крышку с пеплом.

— Ну-ка, объясни, что предлагаешь, — Гридасов подвинул ко мне чистый лист и снял с ручки колпачок.

— Давай согласуем с райотделами порядок: на запрос по поставкам №001 они отвечают в течение одного часа, — вписал на листе срок и подвинул его к майору. — Район отвечает сразу, по первому требованию. Начальство само может потом прочесть, кому что выдали. Я буду использовать это для проверки качества товара, сроков доставки и соответствия накладных. Если район тормозит, я пишу жалобу в управление. Если район помогает, я обеспечиваю стабильность поставок. Это взаимная выгода.

Ветер шуршал снегом по наружному подоконнику. Майор перечитывал моё предложение. В черновиках я назвал его «часовым стандартом», а сейчас требовалось добиться согласия районов. Одной его подписи, даже от комиссии, на это не хватит.

— Это опасно, Данила Павлович, — Гридасов перечитал написанное и отложил в сторону. — Районы привыкли тянуть время. Время — это власть. Ты отбираешь у них оружие.

— Я даю им возможность сдать его добровольно, — вернул предложение на середину стола и прижал край ладонью. — Те, кто сдадут, получают гарантированные поставки и защиту от перебоев. Те, кто нет, будут стоять на голодном пайке, пока я буду возить через тех, кто подписал памятку. Выбор за ними. Но выбор за тобой, если ты подпишешь эту бумагу от имени управления как рекомендацию к исполнению.

Гридасов вышел из-за стола к окну. Моё предложение с часовым сроком осталось на столе. Пусть от него отталкивается.

— Москва молчит, — майор отодвинул занавеску и повернулся ко мне от окна. — После такого московского скандала обычно звонят, требуют объяснений. А тут тише воды, ниже травы. Очень уж хочется знать, что они готовят.

— Пусть молчат, мы работаем, — захлопнул обложку и оставил перед ним только проект памятки.

Майор опёрся о спинку кресла. Я ждал ответа, считая тиканье настенных часов: до конца приёма оставалось совсем мало.

— Я составляю проект. Подпишем сегодня. Но помни: это неофициально. Если пойдёт скандал, я скажу, что ты использовал бланк без ведома. — Он вернулся к столу и выдвинул ящик с бланками.

— Меня устраивает, — кивнул и придвинул стул к столу. — Главное, чтобы они знали: звонок тебе означает документы мне через час. А не через месяц.

Гридасов достал бланк, положил поверх черновика и сел писать. Я читал перевёрнутые строчки. Пока это была договорённость с ним; подписи районов придётся собирать отдельно.

Под столом я вынул визитку Груздева и перечитал прямой номер. Кузя передавал его вместе с рассказом о пряниках, а мне всё хотелось использовать звонок для своих бумаг. Сейчас уберу, сперва получу подпись здесь.

— Данила Павлович, — Гридасов задержал ручку и вернулся к уже написанной строке. — Готовится новая редакция циркуляра, толще прежнего. Там будут пункты о «контроле оборота наличности» и «проверке источников сырья». Готовься.

— Готовиться будем, — убрал визитку и подвинул к себе проект. — Давай дочитаю, пока ты здесь.

Гридасов внёс поправку в порядок запроса, подписал памятку как рекомендацию комиссии и отдал мне экземпляр. Вложил оба листа в папку; поддержка майора пригодится, но согласие районов ещё придётся получить.

До заседания оставалась ночь. Я проверил время приёма и завязал тесёмки.

От Гридасова мы вернулись к ларьку вечером. Памятка лежала в моей папке, продавцы закрывали последние накладные. Кулагина отпустила одного рабочего, а меня задержала чашкой чая у прилавка.

У ларька ещё стояла очередь. Свет из окна ложился на снег, люди переминались на месте и передавали к весам деньги. Кулагина высовывалась навстречу каждому, чтобы услышать заказ.

Я пил чай у края тротуара. Палыч подошёл со своей кружкой, растирая о неё пальцы. Папку я зажал под мышкой: если поставлю на землю, потом опять оттирать от снега.

— Ну что, командир? — Палыч спросил, пропуская женщину с покупкой мимо себя. — Завтра враги?

Я допил глоток и задержал его во рту, отогревая язык.

— Завтра педагоги, — поставил стакан на пустой ящик и подвинулся, пропуская покупателя к окошку. — Директора школ, завучи, учителя физкультуры. Люди, которые кормят детей. Они не хотят войны. Они хотят, чтобы у детей был хлеб. И если мы сможем объяснить им, что наш хлеб — это их право, а не наша милость, они встанут на нашу сторону. Облисполком боится не денег. Он боится общественного мнения. А общественное мнение формируется там, где есть запах свежего хлеба.

Палыч посмотрел на тесёмки у моего локтя, потом на покупателей возле окошка.

— Красиво говоришь. Только не забывай, что у Пастухова есть свои люди среди директоров. — Палыч хмыкнул, поднимая остывшую кружку к губам.

— Знаю, — развязал тесёмки и показал ему подпись под памяткой. — Поэтому возьму с собой Зою Ермолаевну, подписанную памятку Гридасова и журнал регистраций.

Часы показывали десять вечера. До подъёма оставалось шесть часов, и я собирался забрать себе каждый. После двух суток в койке снова загонять себя перед заседанием было глупо.

Вынул повестку из папки и развернул под светом окошка. Ещё раз проверил дату, время, затем добрался до графы о наблюдателе центральных органов.

Савельева я прочёл утром в бытовке. На заседании увижу его лицо и сравню с тем, что помню о московском доме. Пока надо собрать документы, а догадки придержать при себе.

— Данила, — Кулагина убрала с весов последнюю гирю и потянулась к ставне. — Закрываем?

— Закрываем, — убрал повестку во внутренний карман и подхватил пустой ящик у прилавка.

Кулагина заперла ставню, проверив, крепко ли держится засов. Поднёс ящик к стопке у стены; свежий снег уже припорошил следы шин Жилова.

С внутренней стороны куртки шуршала повестка. Прижал карман локтем и повернулся к машине: за папкой с начислениями придётся зайти в контору сегодня. В машине нашёл в блокноте номер Зои Ермолаевны. Её тетрадь нужна мне завтра у входа в облисполком.

Свидетелей я собрал вчера, до вечерней поездки во Владимир. Тем утром на базу тянуло соляной и мокрой землёй: снег под колёсами фуры перемешался с грязью. Первая машина выползла за ворота, цепляя задними колёсами колею. Я провёл ладонью по карману пиджака: бланк с подписью Пастухова был на месте. С этим бланком колонны пропускали через кордоны. Сегодня проверим, до которого поста хватает московской подписи.

Палыч орал в рацию, дирижируя погрузкой. Найда крутилась у его сапог и ловила ртом мокрые хлопья, а он оттеснял её от колёс носком сапога. Водитель следующей фуры высунулся из кабины, помахал мне накладной. Я показал: погоди, спущусь. Циркуляр о «временных ограничениях» всё ещё действовал, и на каждый рейс приходилось собирать разрешения заново. К вечеру опять встанут машины, опять школьные завхозы будут звонить за мукой. С них и начну.

Я набрал номер директора первой школы района Заводской. Гудки шли долго, потом щёлкнуло, и голос Анны Сергеевны прозвучал хрипло, будто она кричала в трубку через шум работающего станка.

— Данила Павлович? — Из трубки донёсся стук: Анна Сергеевна придвинула аппарат, зацепив проводом посуду. Я попросил её говорить ближе и убавил оравшую рядом рацию.

Гул на линии мешал разобрать ответ. Я зажал свободное ухо ладонью, придвинувшись к аппарату.

— Анна Сергеевна, доброе утро. Муку привезли? — Подложил под локоть книжку и раскрыл вчерашнюю накладную на школьную муку.

Анна Сергеевна помедлила; я уже потянулся поправлять провод, когда она заговорила.

— Привезли. Но мало. И качество... Грач, ты же знаешь, как они нас душат. Складываются цифры такие, что хоть на улицу выходи и плачь. Бюджет трещит по швам, а эти из управления требуют отчёты, которые я физически не могу сделать. У меня дети голодные ходят. Не потому что я плохая хозяйка, а потому что им нечего давать. — За её спиной звякнула крышка котла, и директорша отослала кого-то из кухни к завхозу.

Кто-то возле неё пожаловался на пустой котёл. Я пометил под номером школы: звонить до обеда, пока дети ещё в столовой.

— Анна Сергеевна, давайте всё запишем. Сколько недодали за прошлую неделю, по килограммам и по классам? — На обороте накладной я разлиновал две колонки и вписал в первую номер школы.

Издалека донеслось: «Анна Сергеевна, опять этот ваш поставщик?» Директорша прикрыла трубку и резко попросила оставить её на минуту.

— Зачем тебе это? Чтобы пописать в газету? Нам лицензий на пенсию не дадут, Данила Павлович. Если мы пойдём против системы, нас съедят живьём. — Анна Сергеевна отвела трубку и велела вошедшей женщине прикрыть дверь; щёлкнул замок.

— За доставку хлеба до конца года с вас ни копейки. Муку оставляю по цене прошлого месяца, разницу беру на себя. — Подвинул калькулятор и записал обещание на обороте накладной. — А вы считайте, сколько детям недовезли.

В трубке стихло даже шарканье. Я дал ей пересчитать услышанное и обвёл на накладной срок: до конца года.

— Ты серьёзно? Из своего кармана? — В трубке зашелестели страницы; она отложила их и попросила повторить срок.

— Из своего кармана. Но взамен мне нужна твоя тетрадь. Та самая, где ты считаешь каждую булку и каждый кусочек колбасы, что детям недодали. Мне нужны твои цифры, Анна Сергеевна. Подпиши их сама, без цензуры главрайона. — Я обвёл цену муки в накладной и под ней вывел свою фамилию, чтобы потом самому себе ничего не объяснять.

— А если они узнают? — Директорша понизила голос; я поднял рацию со стола и убавил её, стараясь разобрать каждое слово.

На другом конце хлопнула дверь. Я подождал, пока у директорши стихнут голоса.

— Они узнают позже. Когда будет слишком поздно прятаться. Когда на трибуне обlipолкома встанет не один частник, а двести директоров и поваров. Когда станет ясно, что область больше не может молчать. Ты готова ехать в город? Лично. Со своей тетрадью. — В записной книжке я нашёл номер автобусного парка и загнул угол страницы. Везти людей придётся за свой счёт.

Анна Сергеевна вздохнула в трубку. Я придвинул чистый лист, приготовившись записывать фамилии.

— Я приеду. Только дай мне список тех, кто ещё держится. Я сама позвоню. Им нужно знать, что их кормят. Что есть человек, который не боится их бумажек. — Анна Сергеевна позвала секретаря и продиктовала ей фамилию первого директора, до которого собиралась дозвониться.

— Спасибо, Анна Сергеевна. Сейчас продиктую тех, кто согласился. Остальных обзвони, а к обеду дай знать, сколько мест держать в автобусе. — Раскрыл записную книжку и нашёл номера директоров.

Положил трубку и потёр пальцы: слишком крепко сжимал ручку. Директорша сама берётся обзванивать коллег. Посмотрим, сколько человек она соберёт к полудню; для них уже придётся искать второй автобус.

Следующий звонок был в школу райцентра. Молодой директор Игорь Валентинович ответил сразу и успел между приветствиями попросить кого-то помешать кашу. Из трубки доносилось бульканье. Варили, выходит, возле телефона.

— Грач, ты спаситель! Слушай, у меня сегодня столовая закрылась на полдня. Повариха ушла, сказала, сил нет смотреть, как дети едят разбавленный компот. Я сам ей варил кашу на плите в учительской. Мы с детьми суп ели из одной миски. — Собеседник отозвался на возню возле плиты и отодвинул трубку; я разобрал, как он просит подержать кастрюлю.

Игорь шумно выдохнул; я поморщился от треска в ухе.

— Игорь Валентинович, успокойся. Скажи прямо: сколько недопоставок по акту за месяц? — Перевернул накладную чистой стороной и приготовился записывать вес недовоза.

— Да всё недовоз! Хлеб чёрствый, масло пальмовое вместо сливочного, мясо жилы одни. Я акты составляю, а их в управление не берут. Говорят, «не соответствует форме». Форма! У меня дети животами воют, а им форма важна! — Игорь громыхнул ложкой о раковину и тут же принялся извиняться перед стоявшей у раковины женщиной.

Переждал грохот и записал на полях: акты управление возвращало.

— Твои акты нужны мне. Оригиналы. С печатями. Если их не берут там, пусть посмотрят здесь. Я заберу. И ты тоже приезжай. Возьми поваров. Тех, кто видел правду своими глазами. — Под номером автобусной службы я записал второй адрес и подчеркнул слово «оригиналы».

Оставил строку для поварских фамилий и поднёс трубку ближе.

— Повара? Люська? Нет, она не поедет. Она людей боится. А вот Зоя Ермолаевна... Она у нас главный бухгалтер по факту. Она всё помнит до копейки, каждый грамм крупы. Уговоришь её — получишь всю историю нашего недокорма, до последнего грамма. — На том конце щёлкнули спичкой; Игорь затаился и закашлялся в сторону от трубки.

— Зоя Ермолаевна, директриса? Она сама у нас мешки при разгрузке считала. — Я вывел её имя на отдельной строке и обвёл, чтобы позвонить после Игоря.

— Она самая, сорок лет в школах. Ведёт личную тетрадь, сама для себя, и пишет туда всё. Кто что украл, кому сколько недодали, кто какую долю снял. Вот уж перед кем я за каждый мешок отчитаюсь. — Игорь позвал кого-то из коридора и попросил отнести записку Зое Ермолаевне.

Провёл черту под Зоиним именем. Сорок лет возле школьных накладных; такую ещё попробуй обмани на весе.

— Как с ней связаться? — Подсунув книжку ближе к свету, я прижал ручкой страницу с номером школы.

— Она живёт над школьным складом. Там же и работает. Её даже вызывать не надо. Она сама придёт, когда услышит, что кто-то хочет правды. Просто скажи, что нужен свидетель. Настоящий. Не из протокола, а из жизни. — Он повторил мою фамилию посыльному и вернулся к телефону уже вполголоса: кашу пора было снимать.

Поблагодарил Игоря и отключился. Возле моей фамилии в списке было пусто, зато напротив школ уже теснились пометки. Пусть они сами расскажут, чем кормят детей. А я обеспечу им дорогу и проход к микрофону.

Посетителей я велел проводить прямо ко мне: Игорь обещал передать просьбу Зое, и она могла добраться в любую минуту. Я заказал автобус на утро заседания, затем попросил Щербакова поднять акты школьных поставок.

Час спустя в контору вошла Зоя Ермолаевна. Снег подтаял на её старом пальто; она аккуратно отряхнула подол на пороге и подтянула узел платка. Дерматинovou сумку держала обеими руками перед собой. Я отвёл к стене стул, освобождая ей проход.

— Вот и я к тебе с бумагами, Грач. — Зоя остановилась на пороге и оглядела кабинет, прижимая сумку к пальто. Говорила низко, с хрипотцой.

— Проходите, Зоя Ермолаевна, чай будете? — Вышел из-за стола и отодвинул для неё стул, освободив сиденье от газет.

— Некогда чаи распивать. Мне Игорь звонил. Сказал, вы хотите мою тетрадь. — Зоя расстегнула сумку на коленях и подцепила пальцами обтрёпанный край книжки.

Она положила книжицу на стол. На мягкой обложке теснились мелкие записи, угол был подклеен полоской бумаги. Я осторожно подхватил корешок: скрепки уже продавили его насквозь.

— Это не официальные данные, а мои записи за два месяца. Каждый день писала, что привезли, что должно было быть и сколько реально съели дети. Разницу считала по каждой школе, по каждому классу. — Она раскрыла тетрадь у меня под рукой и прижала пальцем лист возле скрепки.

В первой строке Зоя указала дату и время доставки. Дальше я нашёл вес масла по документам, вес при приёмке и недостатку. Возле каждой записи стояли фамилии приёмщицы и водителя. По этим строкам можно было поднять накладную и спросить с конкретного человека.

— Вы понимаете, что это улика? — Наклонил страницу к свету из окна и сверил дату с накладной на краю стола.

Зоя усмехнулась. Она поправила очки на носу, и в линзах блеснули отражения окон.

— Это не улика, молодой человек. Это правда. А правда никогда не бывает уликой. Она бывает обвинением. Или оправданием. Смотря кто её читает. — Зоя забрала тетрадь из моих рук и повернула ко мне следующую страницу, где стояли фамилии приёмщиц.

В дверь постучали. Щербаков вошёл, удерживая ручку снаружи, и попросил жестом подойти к нему. Я положил накладную поверх Зоинной книжки.

— Данила Павлович, тут такое дело. Приехал проверяющий из главрайона. Хочет забрать документацию по последним поставкам. Говорит, плановая проверка. Требуется доступ к архивам. — Щербаков оттянул тугой воротник и отступил к двери, пропуская меня к проходу.

Зоя спрятала руки в сумку, точно искала там ещё одну тетрадь.

— Они пришли за мной? — Зоя подтянула сумку к коленям и положила ладонь поверх открытых записей.

— Не за вами. За бумагами. Но если они увидят эту тетрадь... — Я отодвинул Зоин стул от дверного проёма и прикрыл тетрадь папкой.

За дверью повысили голос, требуя хозяина базы. Щербаков прислушался и остался на пороге.

— Они могут объявить вас в розыск за подделку документов или растрату. Или просто уволить. Или засадить. Они умеют делать вид, что действуют по закону, пока ломают человека.

— Щербаков подался назад и притворил за собой дверь, оставив снаружи шаги проверяющего.

Зоя сидела, распрямив спину. Я пододвинул к ней телефон и потянулся за рацией.

— Гридасов, подъезжайте к базе с ревизором. У нас пытаются забрать школьные записи. — Прижал кнопку рации и проверил, плотно ли лежит папка поверх записей. — Ваше направление на проверку при себе?

— При себе, шеф. Будем через десять минут. — В рации хрустнула застёжка портфеля, затем Гридасов попросил ревизора проверить бумаги перед выездом.

Щербаков ждал у двери, придерживая ручку, которую тянули снаружи.

— Не впускай его пока. Пусть подождёт в машине. Скажи, торговый отдел принимает записи для сверки. Пусть предъявит своё предписание, запрос зарегистрируем. — Подал Щербакову журнал входящих и вложил ручку между чистыми страницами.

— Но у нас нет... — Щербаков раскрыл журнал и провёл пальцем по пустой строке для основания проверки.

— Будет. Сейчас будет. — Я раскрыл журнал возле школьной накладной и отправил Щербакова встречать ревизора.

Гридасов приехал с ревизором торгового отдела. Майор помог освободить стол, а ревизор разложил направление на проверку и бланки акта. Сняв пальто, он сел рядом с Зоей и сверил её записи с накладными Щербакова.

— Что изымаем? — Ревизор развернул бланк описи и обмакнул перо в настольную чернильницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.